
Кто, как и почему говорит о мигрантах на Дальнем Востоке России

Л.Е. БЛЯХЕР*, Э.О. ЛЕОНТЬЕВА**

***Леонид Ефимович Бляхер** – доктор философских наук, профессор, профессор Высшей школы социальных и политических наук, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Эльвира Октавьевна Леонтьева** – доктор социологических наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0667-5497>

Цитирование: Бляхер Л.Е., Леонтьева Э.О. (2026) Кто, как и почему говорит о мигрантах на Дальнем Востоке России // Мир России. Т. 35. № 1. С. 28–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-28-53

Аннотация

Статья посвящена анализу дискурсивного конструирования понятия «мигрант» на Дальнем Востоке России в его историческом контексте и в современных реалиях. В исследовании подчеркивается специфика миграций в дальневосточном регионе, где дискурс о мигрантах часто существует независимо от фактической статистики миграции и служит инструментом для построения социальных границ. Опираясь на эмпирические данные, включая 32 биографических интервью с мигрантами из Центральной Азии и с Кавказа, 12 экспертных интервью с государственными служащими и работодателями, а также обследуя контент-анализ региональных СМИ в период с 1996 по 2024 год, авторы показывают, что термин «мигрант», изначально относящийся к китайским рабочим, со временем был распространен на мигрантов из Центральной Азии. Изменение границ использования этого термина привело к дискурсивной стигматизации мигрантов, что не связано с их фактическим присутствием (численностью) в регионе. Понятие «мигрант» на Дальнем Востоке России стало символизировать фигуру «другого», выступая маркером этнических и социальных границ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20038 (<https://rscf.ru/project/24-18-20038/>) совместно с Министерством образования и науки Хабаровского края, соглашение 116С/2024.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в июне 2025 г.

Анализ проводился в рамках теории социального конструктивизма, согласно которой дискурс не только отражает, но и формирует социальную реальность. Также использовался концептуально-исторический подход с особым вниманием к роли местных и федеральных СМИ в формировании общественных настроений.

В статье подчеркивается, что дискурс о мигрантах на Дальнем Востоке России выполняет важные социальные функции, обозначая границу между «своими» и «чужими» и укрепляя существующие иерархии. Несмотря на заметное снижение числа мигрантов, фигура мигранта продолжает играть ключевую роль во внутренней региональной политике, отражая сложное переплетение дискурсивных практик, социальной реальности и политических процессов.

Ключевые слова: *иностранная миграция, мигрант, этничность, внутренняя угроза, другой, дискурс о мигрантах, Дальний Восток России*

Проблема исследования: мигранты и дискурс о мигрантах

В настоящее время признание актуальности дискурса для формирования реальности, в которой действует социальный агент и которая формирует его рациональность, стало триумфом. Мир смыслов, задаваемый дискурсом и формируемый им, как показали основатели символического интеракционизма [Шютц 2003], и есть тот самый мир, в котором мы живем. Эта мысль с большей или меньшей определенностью высказывалась М. Бахтиным [Бахтин 1986], позже П. Бергером и Т. Лукманом [Бергер, Лукман 1995], С. Московичи [Московичи 1998] и другими исследователями [Pinch, Bijker 1984]. Идеи социального конструктивизма с его особым вниманием к дискурсу как способу задания реальности и стали теоретической рамкой нашего исследования об особенностях формирования дискурса о мигрантах на Дальнем Востоке России. Вслед за П. Бергером и Т. Лукманом мы предполагаем, что дискурс не только задает структуру и направленность коммуникации, но (и это самое главное) конструирует сам предмет коммуникации. Более того, если дискурс уже сложился, он обретает относительно автономное от своего денотата существование, и носитель дискурса до последней возможности защищает «факты», продиктованные дискурсом. Поскольку конкретно в него внедрены реальность и рациональность носителя, его механизмы выстраивания интерактивных взаимодействий, понимания окружающего мира.

В этом плане существование дискурса о мигрантах в России особенно показательно, и именно он выступает главным предметом нашего интереса. Его денотат – люди, переместившиеся в пространстве и сменившие место жительства, – интересен авторам статьи в силу того, что они влияют на возникновение дискурса, а сформированный дискурс влияет на них.

Необходимо подчеркнуть, что наша работа посвящена фактическому изучению *дискурса о мигрантах*, а не миграции как таковой. Наше исследование в большей степени направлено на представителей принимающего сообщества, носителей дискурса, нежели на иностранных граждан или переселенцев-соотече-

ственников, оказавшихся на территории Дальнего Востока. Сам процесс миграции нас интересует только в том случае, когда он влияет на формирование или трансформацию дискурса, что происходит далеко не всегда.

Изменение дискурса об иностранных мигрантах в мировом масштабе – явление, неоднократно фиксируемое в специальной литературе [Бышок 2019]. Из технической проблемы восполнения численности трудовых ресурсов на фоне демографического спада проблема миграции все больше обретает политическое измерение. Однако процесс становления политического дискурса о мигрантах в странах ЕС и США (основных потребителях иностранной рабочей силы) развивается далеко не линейно. Идеям «правых», связанных с борьбой с иностранными мигрантами, противостоит весьма серьезный «левый» дискурс, ориентированный на идеи интеграции [Гришанин 2017]. В этом плане российский опыт уникален своей стремительностью (дискурс сформировался почти мгновенно) и относительной линейностью. Это и делает его одним из интереснейших объектов анализа.

Мы интерпретируем базовый концепт («мигрант») в значении, которое предполагают информанты, и это тоже важнейшее методологическое положение. В отличие от естественных наук, в общественных науках не происходит полного отрыва концептуального аппарата от словоупотребления в естественном языке. Причина здесь вполне очевидна: в случае такого отрыва велик шанс, что описываемое не будет иметь никакого отношения к исследуемому социуму. Именно из этих соображений мы не включаем в понятие «мигрант» достаточно значимый процесс убытия из региона местного населения, начавшийся в 1990-е гг. и продолжающийся хотя и с уменьшающейся интенсивностью до настоящего времени. Концепт «мигрант» в рамках исследуемого дискурса (это будет показано далее) концентрируется именно на *иных*, а не на правовом или научном содержании концепта. Не особенно значимыми для информантов (жителей Дальнего Востока России), а значит и для анализа, оказываются и предельно важные в рамках теории миграции параметры времени пребывания (краткосрочное, долгосрочное, временное, постоянное и т. д.).

В какой-то мере в настоящей работе мы технологически следуем традиции «истории понятий» [Норпе 2018]. Особый интерес к сложившемуся в России дискурсу о мигрантах связан с тем, что (как мы предполагаем показать в статье) в одном и том же социальном/символическом/информационном пространстве существуют несколько несовпадающих дискурсов, конфликтующих между собой и выстраивающих разный образ мигранта. В этих условиях дискурсивные смыслы оказываются наиболее видимыми и фиксируемыми, лишаются своей несомненной «онтологичности». Существование двух мифов в одном пространстве и направленность на один и тот же объект не позволяют ни одному из них полностью стать реальностью, достроиться до несомненной данности для общества. Именно поэтому мы можем видеть и фиксировать их дискурсивную, а не онтологическую природу. Однако прежде, чем их обозначить, остановимся на некоторых рамочных моментах, фиксирующих основания и границы нашего исследования.

В последние годы активно растет интерес к дискурсу о мигрантах [Скребцова 2007], трансформировавшемуся в отдельную область общественнознания [Шустова 2018] и вышедшему за пределы медиасферы и выступлений власт-

ных фигур. Мы считаем, что причина повышенного внимания заключается не в самой проблеме миграции, а в ее дискурсивной презентации, что связано с относительной новизной проблемы [Трошина 2000]. Разница между масштабами миграции как объективного процесса, отражающегося в статистических показателях, и дискурсом о миграции, складывающимся из восприятия, стереотипов, мнений, оценок и обыденных (часто негативных) коннотаций, которые связаны со словом «мигрант», вызывает многочисленные вопросы. Например, за последние пять лет динамика миграционного сальдо по всем субъектам РФ не показывает роста (таблица 1), при этом мигрантофобские настроения не исчезают, живут своей жизнью, не зависящей от показателей статистики миграции. Такое расхождение между «данными» и «данностью» и составляет предмет нашего внимания в этой статье. Эту проблему мы попытаемся проанализировать на одном кейсе, обнаруженном на Дальнем Востоке России, где число иностранных мигрантов (по статистике) колеблется вокруг ничтожно малых значений, но в то же время дискурс о мигрантах не исчезает, а в каких-то сферах становится все более активным [Бляхер, Ковалевский 2025].

Эмпирическая база исследования основана на первичных данных, представленных двумя сериями интервью, которые были собраны за годы работы над темой о миграциях на востоке России, а также на материалах контент-анализа СМИ Хабаровского края. Первая серия опросов, проведенная в 2020–2024 гг. в Хабаровском крае, включает в себя 32 неформализованных биографических интервью с мигрантами из Средней Азии и Закавказья, прибывшими в регион в постсоветский период. Вторая серия (2022–2024 гг.) состоит из 12 экспертных интервью с государственными служащими, связанными с миграционной политикой, и руководителями предприятий, где трудятся иностранные граждане.

Материалы медиасферы использовались для анализа частотности положительной/отрицательной/нейтральной коннотаций в связи с упоминанием о мигрантах в региональных СМИ (газете «Тихоокеанская звезда», таблоиде ДВХаб, еженедельнике «АИФ-Дальинформ») в период с 1996 (2014 – ДВХаб) по 2024 гг. На основе анализа частотности словоупотребления в СМИ и корреляции между понятиями были выявлены наиболее устойчивые предикаты к субстантиву «мигрант», наиболее типичные высказывания по поводу исследуемого субстантива. На их основе были сформированы гайд для биографических (полуформализованных) интервью, а также утверждения, отношение к которым проверялось в экспертных интервью.

Основная часть интервью была собрана в Хабаровском крае. С целью таргетирования положений, полученных на этой территории, использовались данные, опубликованные партнерами из Владивостока [Винокурова, Ардалянова 2019], а также интервью с информантами из Еврейской автономной и Амурской областей. Совпадение основных предикатов, утверждений позволяет распространить наши выводы и на Дальний Восток России.

Вторичные (но не менее важные) показатели, заложенные в основу наших выводов, представлены официальными статистическими данными о масштабах и структуре международной миграции по регионам России и Дальнего Востока; они зафиксированы в ежегодных бюллетенях Федеральной службы статистики (Росстат) «Численность и миграции населения».

Миграция и Дальний Восток России

В советские годы проблема миграции располагалась строго в русле исследований о рациональном распределении и использовании трудовых ресурсов [Зайончковская 1979]. За пределами этого достаточно узкого исследовательского пространства миграция представляла минимальный интерес. Более того, в работах чаще упоминались не мигранты, но «новоселы» [Зайончковская, Тихонов 1976]. Иными словами, речь шла в основном об организованном государством перемещении населения с целью оптимального распределения рабочей силы, при этом никакой эмоциональной или политической нагрузки термины «миграция» и «мигранты» не несли. Переселение советских граждан вне государственных проектов (из деревни в город, из одного региона в другой) чаще оставалось на уровне семейных историй или того же рационального использования рабочей силы. Еще меньший интерес привлекали немногочисленные после 1930-х гг. иностранные специалисты, работавшие на стройках СССР. Точнее, интерес к ним все-таки присутствовал, но главным образом компетентных органов, однако они не осознавались в качестве социальной проблемы и не превращались в значимый элемент общественного дискурса.

Следует отметить, что в советский период связь как таковая между миграцией и этничностью не фиксировалась ни в научном, ни в медийном дискурсе. Мигрантами были не только представители ярко выраженной «иной» этничности, но и этнические русские, причем последние долгое время преобладали. Вместе с тем на бытовом уровне имела место ксенофобия [Миронов 2024], особенно в местах многопоколенного проживания местного сообщества, но она ограничивалась единичными проявлениями фонового характера.

В 1990-е гг. после распада СССР тема миграции прочно укоренилась в общественном дискурсе, особенно в связи с массовым отъездом жителей из восточных регионов страны [Орлова 1996]. Причем основная проблема состояла в том, что это была *другая* миграция: она не организовывалась и не направлялась государством, а покидающие привычные места обитания люди реализовывали самые разные миграционные стратегии. При этом экономическая рациональность отнюдь не всегда была ведущим фактором притяжения, а само это движение не осмысливалось отъезжающими и не воспринималось принимающими в терминах миграции и мигрантов.

Во второй половине 1990-х гг. начали появляться иностранные рабочие из дальнего зарубежья [Мотрич 1999]. Поскольку иностранцы обладали явно выраженной этнической спецификой, отличаясь от местного населения (китайцы, турки), сформировалась устойчивая понятийная связка «миграция-этничность»: к мигрантам начали причислять не только недавно прибывших и/или временно прибывающих, но и этнических «других». Примечательно, что наличие такой связки привело в частности к тому, что в отношении внутренней миграции в России термин «мигрант» стал использоваться крайне редко и по большей части в рамках научного дискурса.

В текущем столетии в политическом, медийном и повседневном дискурсе термин «мигрант» прочно связывается с иностранными гражданами с явно выраженной иной внешностью («этнические другие») [Бердникова, Панченко 2002]. Концепт «мигрант» из термина, который в научном дискурсе обозначал лицо, при-

бывшее на новое место жительства, превратился в обозначение этнического «другого», причем наделенного достаточно серьезными негативными коннотациями [Кружалина 2014]. Сокращение выходцев из Китая до ничтожно малых величин не привело к исчезновению дискурса о «чужих» мигрантах: место «опасных» китайцев заняли выходцы из Средней Азии и Закавказья, приехавшие в европейскую часть страны [Топилин 2019].

География иностранной миграции из бывших союзных республик в период пандемии и в условиях усиления антироссийских санкций заметно трансформировалась [Шустов 2020]: мигранты сосредотачиваются главным образом в столичных городах и мегаполисах – там, где сформировались этнические транснациональные сети. Динамика миграционного прироста из стран СНГ по федеральным округам за последние пять лет (таблица 1) не позволяет зафиксировать какие-то устойчивые тренды, однако определенно демонстрирует резкие, почти ежегодные перепады роста и убыли. При этом численность иностранцев никак не коррелирует с представлениями об их засилии.

Таблица 1. Динамика миграционного прироста из стран СНГ по Федеральным округам России, сальдо миграции, количество человек

Субъекты РФ / города	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Центральный ФО / Москва	85301 / -163	31872 / -6498	118429 / 5565	50675 / 11433	42485 / 1725
Северо-Западный ФО / Санкт-Петербург	8943 / -6552	14669 / 5196	37755 / 14986	10224 / 5372	4534 / 36
Южный ФО	43917	41618	59212	13141	5023
Северо-Кавказский ФО	12869	998	8261	-4230	-252
Приволжский ФО	28 825	3 594	48814	2961	14859
Уральский ФО	37459	14576	41400	14661	26655
Сибирский ФО	26102	6693	50578	1205	10012
Дальневосточный ФО	12584	4844	31216	-10285	-3277
Всего по РФ	256000	118864	395845	78379	100039

Примечание: составлено авторами на основании данных Росстата за 2019–2023 гг. // <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>, дата обращения 10.10.2025.

Из таблицы 1 отчетливо видно, что на фоне наметившегося за последние годы положительного сальдо только два региона (Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа) сохраняют отрицательную динамику. Но даже в этих регионах, где численность иностранных граждан оказывается весьма немногочисленна, дискурс об «опасных мигрантах» сохраняется: он присутствует в выступлениях официальных лиц, воспроизводится в медиасфере, так или иначе транслируется на уровне повседневности.

Однако прежде чем перейти к описанию этапов формирования и современных особенностей дискурса о мигрантах, опишем специфику региона, о котором пойдет речь. Это не только обозначение географических рамок исследования,

но и фиксация изначально присутствующих особенностей, сказывающихся на восприятии приезжих, на отношении к «другим». Как нам представляется, именно своеобразии территории задает региональный вариант дискурса о мигрантах, который, несомненно, соотносится с общероссийским, в то же время отличаясь от него.

Дальний Восток – регион мигрантов

Территория российского Дальнего Востока – колонизируемая территория, осваиваемое и заселяемое пространство, прежде либо не имевшее исторического бытия, либо находившееся на периферии иной цивилизации [Барбенко 2011]. Русская колонизация большей части территорий Дальнего Востока, особенно Приамурья и Приморья, – исторически совсем недавний процесс, и массовая колонизация началась лишь с 1880-х гг. [Осинов 2006]. Но в связи с боевыми действиями Гражданской войны и становлением советской власти в регионе [Караман 2005] большая часть населения, прибывшая в регион к началу XX в. (особенно основная, крестьянская часть), после серии антисоветских восстаний эмигрировала из Приамурья, в результате чего к концу 1920-х – началу 1930-х гг. регион оказался обезлюдившим и требующим осваивания. В связи с осознаваемыми властями угрозами была принята военная программа развития Дальнего Востока [Дубинина 2011]: в регионе началось строительство крупных предприятий, в основном военно-промышленного комплекса, появились новые города. На строительство в массовом порядке приезжали *новые люди*, первостроители¹: они прибывали из всех уголков СССР, формируя предельно полиэтничное сообщество. Местное, формально принимающее сообщество было слишком малочисленно, чтобы оказывать какое-то серьезное влияние на прибывших; помимо этого, формы хозяйственной деятельности местных жителей радикально отличались от интенсивности великих строек социализма. Несколько позже, во второй половине 1930-х гг., на стройках стал использоваться принудительный труд подневольных «мигрантов», которые по определению были отделены от местного сообщества и влияли на него лишь опосредованно.

Во время Великой Отечественной войны и в последующем периоде ВПК оставался значимым элементом региональной экономики. Однако в послевоенные годы массовый приток населения на восток России сократился: «кривая роста населения резко пошла вниз, а в некоторых областях произошло и уменьшение абсолютного числа жителей» [История Дальнего Востока России 2009, с. 156–163].

В конце 1960-х гг., в годы «золотой пятилетки», ситуация вновь изменилась: идея освоения новых пространств и пробуждения к жизни дальневосточных просторов стала основой новой идеологии [Бакланов, Спектор, Севостьянов 1977]. Запланированное движение на восток промышленных (горнорудных, транспортных и т. д.) предприятий, символом которого стал БАМ, сопровождалось массовым притоком населения, продолжавшимся до конца 1980-х гг. Отметим, что в рамках общественных представлений туда прибывали не мигранты, а «новые дальнево-

¹ Отметим, что термины «мигрант» и «миграция» в отношении них употребляются только в случае обращения к этому периоду современных исследователей.

сточники». В южной и прибрежной части Дальнего Востока переселенцы этого периода составляли большую часть населения: они приезжали на стройки БАМа, новые горные разрезы и заводы со всего Советского Союза. Полиэтничность регионального сообщества становилась нормой, а этнические, языковые, культурные различия снимались знанием русского языка, языка межнационального общения, и распространением концепта «советский народ».

Один из информантов в ретроспективном биографическом интервью описывает следующую ситуацию:

«Понимаешь, здесь нет и не было сильного народа. Ну, такого, который мог бы другим указывать. Все есть – армяне, азеры, узбеки, татары. Евреи, куда ж без них. Немцы есть, поляки. Даже прибалты в Николаевске-на-Амуре есть, сам видел. Но всех немного. Русских, конечно, больше всех. Только русские же все разные: кто с Вологды, а кто с Ростова. А местных, ну, нанайцев, ульчей, этих совсем мало. Вот и живут люди, не смотря, кто какого цвета, какой нации. Как говорится, лишь бы человек был хороший» (м., 52 года, русский, образование высшее, предприниматель, житель Хабаровска).

Полиэтничный состав территориального сообщества и его изначально миграционный характер обусловили два значимых последствия, представляющих особый интерес в контексте данного исследования. Во-первых, для такого гетерогенного общества «другим» («чужим») оказывался человек по другую сторону границы (японец, китаец и т. д.). Собственно, одним из фундаментальных понятий, определяющих особый статус жителя региона, стала мифологема крепости СССР на Востоке [Бляхер 2004а]: во время конфликтов на Халхин-Голе и озере Хасан, на острове Даманский и тому подобных столкновениях в общественном сознании эта идея превратилась в доминирующую, более того, в периоды относительного спокойствия она сохраняла свою актуальность. Этому способствовал как уникальный статус приграничных территорий, особый пропускной режим, так и тот факт, что население территории, даже не связанное с армией, воспринимало себя как часть гарнизона, охраняющего рубежи государства [Иванова 2014].

Во-вторых, прибывшие в 1960–1980-е гг. переселенцы, составлявшие значительную, а в некоторых пространствах большую часть населения, устойчиво сохраняли связь с местом исхода, которым могли быть город или деревня в средней полосе, аул близ Грозного или кишлак недалеко от Самарканда, что предопределило возникновение еще в советский период сетей миграции в регионе.

«Совсем точно не скажу, только по рассказам отца. Сюда приехал самый старый. <...> Есть семья одна, и вот их дед <...> или даже прадед. Приехал сюда, а за ним поколение за поколением все в Хабаровск и приезжали. И вот когда он поехал в Хабаровск, отец тоже решил. Тут работа была. Где мы живем, там нет работы. Сеешь картошку или пшеницу. По рассказам отца, он не хотел, чтобы его дети тоже занимались коровами, хотел нам лучшей жизни. Если ты живешь тут так же, как люди там живут, то нет смысла переезжать. Когда переезжаешь, должен быть

рост. Это как, знаешь, говорят – американская мечта. У нас мечта русская была»
(м., 25 лет, этнический армянин, образование среднее специальное, предприниматель, Хабаровск).

В месте исхода продолжали жить братья и сестры, дяди и тети, продолжалась жизнь большой семьи, в которой участвовал и «новый дальневосточник». О частых поездках к родне, о приезде родственников в гости упоминают как жители Хабаровского края, так и других территорий южной части Дальнего Востока России.

Оба вышеуказанных обстоятельства сказались на ситуации в регионе и на формировании дискурса о мигрантах в следующий период существования Дальнего Востока – в 1990-е гг.

Первые мигранты: формирование негативного дискурса

Трагические события начала 1990-х гг. радикально изменили ситуацию на Дальнем Востоке. Внешняя угроза с восточного направления потеряла свою актуальность, а образ крепости оказался лишенным прежней опоры. Стремительно сворачивались государственные проекты, закрывали или сокращали свои производства крупнейшие предприятия ВПК, сбрасывающие с баланса объекты социальной инфраструктуры (детские сады, школы, клубы, магазины и т. д.). Большое количество людей, внезапно оказавшихся лишними, устремились обратно в точку исхода [Мотрич 1999]. Оставшиеся достаточно быстро, в течение нескольких лет, переориентировались на принципиально другую логику жизнедеятельности и жизнеобеспечения, когда большая часть новых видов деятельности была перенацелена на трансграничное взаимодействие. Именно в этой ситуации и возникло острейшее противоречие.

Распад советских хозяйственных связей стал причиной кризиса, связанного прежде всего с обеспечением населения региона товарами народного потребления, и разрешить этот кризис можно было только через выход за пределы территории в сопредельное пространство Северо-Восточной Азии (СВА). С другой стороны, именно для защиты от «желтой угрозы» из СВА и развивали Дальний Восток; во всяком случае так воспринимала себя значительная часть населения региона. Появление китайцев, от которых требовалось защищать границы на Дальнем Востоке (внутри крепости) в советское время, породило панические настроения, постепенно сложившиеся в дискурс, который распространился далеко за пределы региона [Гельбрас 2004].

На этом этапе дискурс конструировался с опорой на сложившийся в начале XX в. концепт «желтой опасности» (правда, тогда речь шла о Японии) [Дятлов 2010]. В рамках этой мифологемы люди, являющиеся гражданами иностранного государства и оказавшиеся на территории России (Дальнего Востока), в силу разных, чаще экономических, причин, воспринимаются как агенты этого государства. Причем само государство вне зависимости от провозглашаемых им

лозунгов и осуществляемых действий ставит, по мнению носителей дискурса, только захватнические цели. Отсюда всевозможные идеи «нелегальной миграции» и «ползучей экспансии», активно присутствующие в СМИ 1990-х гг. Отметим, что конкретно в отношении этой группы впервые вне рамок научных исследований стало использоваться понятие «мигрант».

Определенную роль в данном случае сыграли и настроения работников служб безопасности, влиятельных и достаточно многочисленных на приграничных территориях², где в советские годы каждый иностранец рассматривался как потенциальный враг, и по понятным причинам каждый из них находился под плотным контролем соответствующих служб. В условиях трансформации 1990-х гг. количество таких лиц резко возросло, и прежняя система надзора оказалась не в состоянии охватить всех – въезжающих, торгующих и покидающих страну по собственному усмотрению, вследствие чего восприятие иностранцев как неподконтрольных лиц только усиливало тревожность населения и способствовало подозрительности и настороженности со стороны власти.

Отсюда же, вероятно, возник дискурс о «нелегальных мигрантах», первоначально ориентированный именно на выходцев из Поднебесной. Они представлялись нелегальными не потому, что нарушили правила пересечения границы (подобное маловероятно в условиях достаточно жесткого политического режима в КНР), а потому, что они были неподконтрольны, а соответственно, опасны.

Поскольку речь шла об этнически вполне определенной группе (по крайней мере, с точки зрения жителя российского Дальнего Востока, хань, халх и маньчжуры были трудноразличимы), возникает отсутствующая прежде семантическая связка между этничностью и отнесением китайцев к группе мигрантов, и термин «мигрант» стал привычным обозначением именно китайца безотносительно цели и длительности его пребывания в России.

Если большую часть 1990-х гг. китайцы выполняли традиционную для региона роль мелкооптовых и розничных торговцев (китайские рынки открывались в большом количестве во всех городах Востока России), то после значительного прогресса в развитии региональных (локальных) хозяйственных систем начала 2000-х гг. в регион начали прибывать китайцы-рабочие: на стройках, на предприятиях ЖКХ, в частных фирмах трудились граждане КНР. Возникает резонный вопрос: действительно ли были «сотни тысяч нелегалов», как утверждали общественники, журналисты и исследователи? Согласно официальному данным Росстата, численность китайских трудовых мигрантов в Хабаровском крае не превышала 20 тыс. чел. в самые активные периоды. Явление трудовой миграции имело локальный, нишевый характер: китайские рабочие заполняли вакансии в секторах, традиционно непопулярных среди местных жителей, и постепенно проникли в обыденный социальный ландшафт региона.

Так, в одном из интервью с жителем города Хабаровска информант отмечал:

«Ну, в те годы нанимать китайцев было выгодно. Скажем, я могу купить производственную линию у японцев, а могу нанять 10 китайцев. По выходу получается то на то, по расходам китайцы были процентов на 20 дешевле. Жили у меня

² В частной беседе В.И. Дятлов приводил высказывания сотрудников КГБ/ФСБ, собранные в 1990-е гг. в Амурской области, где речь шла о слишком большом количестве китайцев (иностранцев).

вдесятером в сарайчике, работали. Кроме того, ведь бизнес может и не пойти. Куда я потом линию дену? А китайцев уволил и всё» (м., 63 года, русский, образование высшее, предприниматель, житель Хабаровска).

Возникает еще одна смысловая связка: мигранты – это не просто китайцы, но китайцы, занятые непрестижным и тяжелым трудом; они бедно одеты, плохо говорят по-русски, занимают в социальной иерархии самые невыгодные позиции, более низкие, чем местные жители, и тем не менее, по мнению местных жителей, остаются угрозой безопасности страны, чужими и враждебными. Присутствовали в дальневосточном регионе в тот момент и приезжие из других государств. В интервью респонденты указывали на достаточно значительное количество переселенцев из Армении и Азербайджана, уехавших с родины в связи с военными действиями и последующими экономическими сложностями. Несколько менее многочисленным был поток приезжих из стран Средней Азии, однако по отношению к ним концепт «мигранты» на тот момент не использовался, что объясняется несколькими причинами.

Во-первых, они ехали не просто на новое место жительства, а к землякам, которые уже стали укоренившимися дальневосточниками, полностью вошедшими в принимающее сообщество. Эта стратегия описывается по большей части в интервью с выходцами из Средней Азии и Закавказья. Так, один из респондентов рассказывал, что в начале 1980-х гг. он приехал на Дальний Восток работать водителем; в 1990-е гг. открыл пекарню по выпечке таджикских лепешек. В 1992 г. в Таджикистане началась гражданская война, и земляки из его родного города Исфара (на севере Таджикистана) стали приезжать, останавливаясь у него лишь на время; он предоставлял им временное жилье и рабочие места, в том числе в собственной пекарне. Некоторые из них впоследствии остались в регионе: часть продолжила трудиться в сфере мелкой торговли и общественного питания (в пекарнях, киосках, лавках), другие открыли собственный бизнес (м., 59 лет, таджик, образование среднее специальное, пекарь, житель Хабаровска). В этом варианте переселения вошедший в местное сообщество «земляк» выступает проводником для новых переселенцев, адаптирует их к местным условиям; в известном смысле он отвечает за них перед местным сообществом. Такой агент существует в двух пространствах – в точке исхода и точке прибытия, являясь трансмигрантом, конструирующим и поддерживающим этнические сети [*Glick-Schiller, Bash, Blanc-Szanton* 1995], способным снизить вероятность межкультурного конфликта.

Во-вторых, следует не забывать, что в 1990-е гг. память о совместной жизни в СССР, о советском народе была не формой ностальгии, а актуальным переживанием. Нормы и правила поведения (особенно для жителей городов) отличались весьма незначительно, и в дальневосточном регионе вполне сформировались практики взаимодействия с инокультурными агентами. Соответственно, новые переселенцы в регионе воспринимались как новые переселенцы и «соотечественники», а не иностранцы. Они говорили на русском языке, не особенно отличались от местного полиэтнического окружения по одежде и образу жизни. Отметим, что достаточно многочисленные переселенцы из Украины ни тогда, ни позже в качестве мигрантов местными жителями не осознавались; во всяком случае о них

не упоминается ни в одном интервью, они не фигурируют в статьях о мигрантах в средствах массовой информации.

Необходимо отметить и третий аспект: социальная ниша, ассоциируемая с категорией «мигрантов», в общественном восприятии уже была занята китайцами. Как мы показали выше, именно в отношении граждан КНР сформировался доминирующий дискурс о мигрантах: они воспринимались как занимающие низшие социальные позиции, характеризовались слабым знанием русского языка, внешней неопрятностью и бедностью. Одновременно с этим в публичных и экспертных нарративах они воплощали потенциальную угрозу государственной безопасности. По информации, полученной от информантов-выходцев из Средней Азии и Закавказья, до 2010 г. по отношению к ним термин «мигрант» не использовался, как не фиксировалось и негативное отношение к их этничности. Более того, сами новые приезжие себя в качестве временных мигрантов не воспринимали, достаточно быстро и плотно срастаясь с местом прибытия.

«С Еврейской автономной области я. Русский я, уже 22 года тут. Большую часть жизни, но сохраняю таджикскую культуру. В городе праздники делаем все. Кто-то стол может накрыть, и туда приезжают все. Когда свадьба у кого-то. Или если молитва в пятницу, туда ходим. Бывает просто собираемся. <...> Человек пятьдесят или шестьдесят» (м., 40 лет, этнический таджик, среднее, владелец киоска по торговле фруктами, Биробиджан).

Таким образом, в восприятии регионального сообщества и в общественном дискурсе обозначаются два типа приезжих, в отношении которых время их пребывания и сфера деятельности оказываются не особенно значимыми. Есть опасные и «грязные» (предикат, часто встречающийся в интервью) мигранты – на тот момент китайцы, являющиеся чужими и враждебными по отношению к местному сообществу и России в целом. Но одновременно присутствуют и «соотечественники», «новые дальневосточники», пополняющие территориальное сообщество и не вызывающие каких-либо особых эмоций у местных жителей.

При этом следует отметить, что стигматизированные образы «нежелательных» приезжих выполняют важную социальную функцию: через отношение к ним происходит символическая самоидентификация местного сообщества, утратившего прежнюю идеологическую роль «форпоста СССР на восточных рубежах» [Бляхер 2004b]. О них говорят политики и социальные активисты, пишут ученые и журналисты. Формируется несколько менее интенсивный промигрантский общественный дискурс, связанный с их работой на стройках региона, в системе ЖКХ; он также в большей или меньшей степени присутствует в СМИ.

Это положение начало меняться в первое десятилетие текущего века (примерно к 2004–2006 гг.). Китайцев в регионе стало заметно меньше, модифицировался и социальный состав приезжих из КНР: теперь это не мелкие торговцы с рынка и не рабочие со стройки, а солидные бизнесмены, потенциальные инвесторы, региональные политики, деятели науки и культуры. Впрочем, и властный дискурс на рубеже XXI в. трансформировался: Китай из «желтой опасности» превратился в стратегического партнера, и, соответственно, исчез или, по крайней мере,

максимально смягчился антикитайский настрой представителей региональной (муниципальной) власти и СМИ.

В этих условиях воспроизводство дискурса стало серьезной проблемой, поскольку его носители оказались в замешательстве, сохраняющемся до настоящего времени.

«Когда я вижу этих, ну, новых китайцев, у меня не срывается. Постоянно чувство, что они с рынка или стройки сбежали. Замаскировались, чтобы их не узнали. И так по городу ходят» (м., 46 лет, русский, образование высшее, общественный деятель, житель Благовещенска).

Сформировавшемуся дискурсу требуется новый денотат, потому что именно дискурсивные практики конструируют социальную реальность, и отказ от данного дискурса означает отрицание принятой системы координат, т. е. собственной интерпретации реальности. В этих условиях роль нового денотата в миграционном дискурсе постепенно начинают занимать выходцы из стран Средней Азии, замещающая ранее доминировавшие этнические образы «другого».

Выходцы из Средней Азии: новые «другие» и старый дискурс

Для того чтобы сложившийся дискурс совпал с новым объектом, потребовались внешние импульсы, которыми стали изменение социального статуса китайских переселенцев в дальневосточном социуме (теперь они, скорее, бизнес-партнеры, причем зачастую старшие) и появление большого количества «других» мигрантов из Средней Азии. Отметим, что для вновь прибывших важным оказалось не то, что они были временными и часто краткосрочными переселенцами, а то, что они были не по транснациональным (понятным и привычным для местных жителей) сетям.

Выше рассматривались сети миграции, сложившиеся еще в советский и ранний постсоветский период, где адаптация проходила по большей части автоматически и осуществляли ее «земляки»-трансмигранты.

«Я когда приехал, к земляку приехал. Он на нашей <...> улице живет, раньше жил. Там сейчас его брат живет и родители. Он много помог сразу. Мы у него работали, а он и с жильем помог снять. Сначала нам не хотели сдавать. И объяснил, как и с кем нужно разговаривать. Много помог. Я и сейчас с ним работаю. Уже много лет. Жену и детей перевез» (м., 43 года, этнический таджик, среднее, строитель, Хабаровск, на момент интервью гражданин РФ).

Но уже в конце 2000-х гг. в регион начали прибывать другие мигранты из Средней Азии, в основном рабочие на стройки. В отличие от мигрантов предыду-

щих волн, представители данной группы выделялись низким уровнем владения русским языком и внешней неопрятностью, что делало их максимально соответствующими стереотипам, формируемым в рамках господствующего миграционного дискурса. По сравнению с «новыми дальневосточниками», прибывшими по сетям, вновь приехавшие представляли компактную группу, привлекавшую особое внимание на фоне полиэтнического сообщества. С началом масштабного проекта реконструкции Владивостока и других крупных государственных проектов в регионе (2010 г.) трудовых мигрантов-выходцев из Средней Азии, прибывших на контрактной основе («вахтовиков»), стало заметно больше: их численность была сопоставима с количеством выходцев из КНР в период наивысшей интенсивности соответствующего миграционного потока. Несмотря на значительное число трудовых мигрантов из Средней Азии на больших стройках региона, они достаточно долго не являлись проблемой, продолжали восприниматься, скорее, как вахтовики, нежели как мигранты. Показательно, что до 2014 г. в СМИ термин «мигрант» употреблялся редко и был связан в большинстве случаев с гражданами КНР; несколько чаще в экономическом дискурсе и в выступлениях руководителей хозяйствующих субъектов встречался термин «трудовой мигрант» [Романовская 2009]. В данном случае отсутствуют какие-либо негативные или просто эмоционально окрашенные коннотации: проблема недостатка трудовых ресурсов осмысливается в категориях объективной необходимости, а трудовая миграция воспринимается в качестве эффективного инструмента ее восполнения. Посему мигранты в такой логике рассматриваются как ценный ресурс, требующий рационально организованного использования в интересах регионального социально-экономического развития.

«Да, у меня на стройке большей частью узбеки тогда работали. Не было бы их, так все стройки в крае мгновенно бы остановились. Ну, проблемы были. Мало квалифицированных работников. Крановщиков, стропильщиков – тех, кто с квалификацией, этих не хватало. Но потом и эти проблемы решились. Нормально работа шла» (м., 52 года, русский, высшее образование, руководитель строительного предприятия, житель Хабаровска).

Однако в период 2010–2014 гг. наметился перенос смысловых компонентов дискурса, связанного с китайцами, на мигрантов из Средней Азии. Поскольку этнические отличия были не столь явно выражены, как в случае с выходцами из Китая, сначала в СМИ, а затем и в повседневном дискурсе за ними закрепился термин «мигрант». Уже в 2013 г., как показывает анализ материалов, в СМИ Хабаровского края два раза была указана страна исхода в отношении граждан среднеазиатских государств.

Важно отметить серьезное отличие «новых дальневосточников» 1990-х и 2000-х гг. и тех, кто прибывал по контракту с 2010–2014 гг. до настоящего времени. «Новые дальневосточники» отличались в своей массе и по профессии, и по точкам исхода, поскольку разными были «принимающие» их трансмигранты: среди них были горожане и выходцы из села; различно было и их положение в обществе (многие из них являлись достаточно успешными

предпринимателями, высококвалифицированными рабочими и т. д.). При этом их адаптацией целенаправленно занимался «земляк», помогавший с устройством на работу и арендой жилья, благодаря чему минимизировались риски возникновения точек напряжения.

Прибывшие по контракту на стройки после 2010 г. большей частью были выходцами из сельской местности с низким уровнем жизни, но значительным демографическим давлением и определявшимся соотношением количества рабочих мест и плотности населения [Бляхер, Ковалевский 2025]; у них не было возможности обратиться к услугам земляка-посредника, который занялся бы их адаптацией. Впрочем, такой задачи ни у них самих, ни у работодателей не стояло, поскольку их привезли на определенный срок для выполнения вполне конкретного объема работ, и предполагалось, что после завершения контракта они вернуться в точки исхода. На время работы они чаще всего проживали отдельно от местного сообщества, не входя с ним в контакт за достаточно редким исключением.

В середине 2010-х гг. мегастройки в регионе начинали сворачиваться, вследствие чего число востребованных трудовых мигрантов в какой-то момент уменьшилось. В это же время на российском Дальнем Востоке обозначилась конкуренция между мигрантами и российскими вахтовиками (из других, более населенных регионов страны), которым отдавалось предпочтение. Параллельно в среднеазиатских странах усилились факторы выталкивания населения, в результате чего значительная часть краткосрочных трудовых мигрантов осталась в дальневосточном регионе, заполнив собой низшие ярусы социально-экономической иерархии [Wirth 1928], что вполне соответствовало дискурсу о китайцах, который сложился в предшествующий период. Важно отметить наличие фактора, вызывающего недовольство со стороны местного сообщества. Как отмечалось выше, у «новых дальневосточников» имелся агент, осознанно занимающийся их вхождением в новое социальное пространство, однако у бывших трудовых мигрантов, работавших по контракту, такого агента не оказывалось, соответственно, их поведение гораздо чаще вызывало негативную реакцию местных жителей, порождая конфликты. Уточним, что в СМИ эти конфликты фиксируются начиная с 2013–2014 гг.

Что касается дискурсивной проблемы, то занимающие низшие позиции в социальной иерархии мигранты никак не подходили под понятие «угроза национальной безопасности», несмотря на то, что плохо говорили по-русски и их внешний вид не соответствовал местным нормам. Более того, их поведение нередко воспринималось как лишь незначительно отклоняющееся от принятых в местном сообществе стандартов, а конфликтный потенциал проявлялся не только к принимающему населению, но и по отношению к своим, успешно прошедшим адаптацию соотечественникам. Прибывший в Хабаровск в 2010-х гг. водитель такси сформулировал претензии к «местным» узбекам следующим образом:

«Они, кто уже давно здесь живет, совсем как русские стали. Аллаха не помнят, обычаев не соблюдают. Много молиться совсем не умеют, Коран читать не знают. А нас считают дикими. Мы в своей культуре живем, а они в чужой» (м., 30–32 года, этнический узбек, водитель такси, Хабаровск).

Следует отметить, что значительная часть (более половины) статей в региональных СМИ в тот период писали о *необходимости* мигрантов, об их благотворном влиянии на региональную экономику, не затрагивая темы угрозы для безопасности региона и страны. Это противоречие между двумя дискурсивными линиями – мигрантофобией и признанием важности (или хотя бы открытого одобрения) мигрантского присутствия – демонстрирует, что на тот момент дискурс о мигрантах как единое смысловое и информационное поле отсутствовал, при этом в нем фиксировались и полярные векторы, и точки напряжения, и разногласия. Однако со временем произошло вытеснение толерантной (хозяйственной) линии: поскольку количество мигрантов в регионе сократилось, их хозяйственное значение уменьшилось, и, соответственно, снизилась активность промигрантского дискурса, лишь изредка всплывающего в ситуации особенно острых проблем с заполнением вакансий в регионе³; параллельно с этим актуализировались и достраивались представления об «опасных мигрантах».

Одним из факторов напряженности, связанной с присутствием мигрантов, является их религиозная принадлежность. В то же время, несмотря на то, что демонизация ислама периода чеченских кампаний и террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке получила в общественном сознании широкое распространение, долгое время этот негативизм нивелировался официальной риторикой, в которой проводилось различие между радикальными формами исламского экстремизма и цивилизованным исламом. В регионе антиисламские настроения если и присутствовали, то воспринимались в качестве экзотики. Однако в 2016 г. в связи с анонсированием идеи строительства мечети в Хабаровске, вызвавшей бурное выступление общественников, которые настаивали, что религиозное сооружение может *угрожать безопасности горожан*, ситуация стала меняться: «Местные жители начнут продавать свое жилье и переезжать в другие районы, в итоге мы получим то, что уже получили многие европейские города – целые кварталы, в которые входит коренному населению будет небезопасно»⁴.

Идея угрозы, исходящей от мигрантов, аргументировалась утверждением (из интервью с общественным деятелем Хабаровска, мужчина, 34 года, высшее образование), что «двадцать процентов мусульман в городе поддерживают» террористическую организацию, чья деятельность запрещена на территории РФ⁵, формулируя тем самым смысловую связку «мигранты-мусульмане-террористы». В этой цепочке мигранты выступали не просто «другими», «чужими», но, очевидно, опасными «чужими», превратившись в источник криминала («нелегальные мигранты») и терроризма. То, что подавляющее большинство правонарушений, совершаемых мигрантами в крае, относится к нарушению паспортно-визового режима, к просроченным патентам на работу и т. д., часто вызванными неразберихой в официальных инстанциях, остается в тени; фиксируется лишь само значительное число преступлений. Причем даже официальная информация от сотрудников МВД, что на мигрантов приходится менее 1,5% преступлений, из которых большинство

³ Все меньше иностранцев приезжает в Хабаровский край (2023) // Transsibinfo.com. 1 сентября 2023 // <https://transsibinfo.com/news/2023-09-01/vsyo-menshe-inostrantsev-priezhayut-v-habarovskiy-kray-3028582>, дата обращения 10.10.2025.

⁴ Много шума и мечеть: построят ли в Хабаровске мусульманский храм? (2016) // Аргументы и факты. Хабаровск. 19 мая 2016 // https://hab.aif.ru/society/mnogo_shuma_i_mechet_postroyat_li_v_habarovske_musulmanskij_hram, дата обращения 10.10.2025.

⁵ Показательно, что инициатором движения против строительства мечети стал региональный общественник, делающий первые шаги в политике.

отнюдь не убийства, грабежи или изнасилования, а нарушения паспортного режима⁶, сопровождается сообщениями о росте числа рейдов сил правопорядка с целью борьбы с засилием мигрантов и их криминализацией. Аналогичным образом выглядела картина и в интервью, когда информанты, как правило, не приводили примеры противоправной деятельности мигрантов, но были уверены, что она есть *arguati*.

Еще одной опасностью, формулируемой в СМИ, стала угроза национальной идентичности местного населения (шире, россиян как таковых). Так, в заметке, размещенной в одной из региональных газет в 2014 г., отмечается: «Единственное напоминание: рано или поздно количество мигрантов перерастает в качество, и они начинают диктовать свои правила игры. Для китайцев и прочих мигрантов наш регион – чужая земля и люди, отсюда и соответствующее отношение. Нам это нужно?»⁷. Показательной представляется символическая преемственность, закрепляемая в общественном сознании между китайскими мигрантами, численность которых существенно сократилась, и представителями новых миграционных волн. Последних нередко интерпретируют как продолжателей «дела» прежних, причем не просто как участников медленной экспансии, а в качестве субъектов, способных разрушать локальную идентичность и культурную самость.

Миграционный дискурс активизировался перед началом пандемии, тогда об «опасных мигрантах» писали не только СМИ (с особым удовольствием о ДТП с участием водителей-мигрантов), о них предупреждали и правоохранители. Постепенно сформировался и повседневный дискурс неприятия мигрантов, впрочем, оказавшийся наиболее неустойчивым. Так, в интервью жители Хабаровска и Владивостока охотно воспроизводили мысли об «опасных мигрантах» (криминал, терроризм, агрессивность и грубость), но при переходе к обсуждению бытовых реалий отмечали, что предпочитают узбекские парикмахерские, среднеазиатский общепит («по мне, лучше чебуреки и самсы, чем всякие суши»), среднеазиатских рабочих по ремонту дома и благоустройству дачи («хоть не пьют»).

В последние годы численность мигрантов в регионе сократилась, опускаясь к значениям, характерным для китайского потока в 2006–2007 гг.: в течение 2022–2023 гг. большинство субъектов Дальневосточного федерального округа демонстрировали отрицательный прирост миграции (таблица 2).

Тем не менее дискурс о мигрантах сохраняется. В краевом таблоиде ДВХаб⁸ за три месяца 2025 г. были опубликованы 15 статей и заметок о мигрантах, выходах из Средней Азии; в основном речь в них шла о преступлении мигрантов и рейдах правоохранителей. Откуда же берутся мигранты-правонарушители, если их становится меньше и меньше? Ответ на этот вопрос, поставленный нами в первом разделе статьи, дает связь между миграцией и этничностью в ее дискурсивном выражении. Происходит перенос вектора дискурса на тех, кто уже десятилетиями здесь жил, не без основания считая себя местным. Не подозревая об этом, граждане СССР, ставшие гражданами России по факту проживания к моменту возникновения страны, многочисленные «соотечественники», прибывшие в первые постсоветские годы, натурализовавшиеся здесь, внезапно оказались мигрантами.

⁶ На иностранцев в Хабаровском крае приходится полтора процента преступлений (2024) // Информагентство ХКС. 12 декабря 2024 // <https://todaykhv.ru/news/society/79965/>, дата обращения 10.10.2025.

⁷ Меньше слов, а больше дела (2014) // Тихоокеанская звезда. 9 января 2014 // https://toz.su/newspaper/novost/menshe_slov_a_bolshe_dela/?ysclid=mgsdannv9060143087, дата обращения 10.10.2025.

⁸ <https://www.dvhab.ru/>

Таблица 2. Динамика миграционного прироста из стран СНГ по субъектам ДВФО, сальдо миграции, количество человек

Субъект ДВФО	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	<i>12584</i>	<i>4 844</i>	<i>31 216</i>	<i>-10 285</i>	<i>-3 277</i>
Республика Бурятия	1251	123	1011	-329	55
Республика Саха (Якутия)	3965	8327	11464	-662	1465
Забайкальский край	229	-8	168	-126	-206
Камчатский край	-710	412	2 780	-2 379	-33
Приморский край	1775	-2434	3280	-4232	-3342
Хабаровский край	1111	-569	7151	206	-349
Амурская область	1980	-922	802	-724	127
Магаданская область	767	316	616	-189	-221
Сахалинская область	1396	-346	3461	-1487	-577
Еврейская автономная область	63	-179	-	-44	-11
Чукотский АО	757	124	483	- 319	-185

Примечание: составлено авторами на основании данных Росстата за 2019–2023 гг. // <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>, дата обращения 10.10.2025.

Вместо заключения: как сохранить дискурс в отсутствии «мигрантов»

Выше мы упоминали о формировании смысловой связи между миграцией и этничностью вследствие появления на Дальнем Востоке России большого количества китайских трудовых мигрантов. В принципе, достаточно очевидно, что подобная связь далеко не обязательна: мигрант, переместившийся из деревни в город или из одного региона страны в другой, едва ли будет носителем иных внешних этнических признаков, но даже в условиях иностранной миграции подобное отнюдь не бесспорно. Однако в России (в частности на Дальнем Востоке) социальное и даже правовое содержание термина «мигрант» оказалось отодвинуто к жесткой этнической привязке: «желтые» мигранты сменяются «черными», носителями тюркского и индоиранского фенотипа. Действительно, большая часть мигрантов в период с 2010 по 2019 г. оказались выходцами из Средней Азии и несколько меньше из Закавказья. Но носителями внешности, характерной для выходцев из Средней Азии и Закавказья, были и остаются многочисленные дальневосточники, прибывшие еще в советский или в первый постсоветский период, десятилетиями проживающие в регионе. Здесь и происходит перенос смыслового вектора: этнически сконцентрированный дискурс охватывает тех, кто уже не имеет ни юридического, ни социального отношения к мигрантам.

«Сейчас даже тяжелее элементарно с девушкой познакомиться. Не у нас в Биробиджане, у нас город маленький и все друг друга знают. Но если я поеду в другой город, там уже проблемы, да. Это же распиаренная тема – русский или нерусский» (м., 26 лет, этнический азербайджанец, высшее образование, менеджер, Биробиджан).

Еще жестче этот момент описан в другом интервью:

«Знаешь, сейчас плохое время. Я сюда приехал еще в 92-м году. Работал в гараже нашем. Мне никто не говорил: “Ты узбек, ты плохой”. Наоборот, говорили: “Молодец, стараешься, получи премию”. А теперь так и говорят: “Ты черный, поэтому уезжай отсюда”. Это очень обидно» (м., 53 года, этнический узбек, среднее образование, автослесарь, житель Хабаровска).

Описанные ситуации свидетельствуют о значимости для местного сообщества сохранения дискурса именно в виде неприятия «чужих здесь», который остается даже в условиях, когда объект, на который он направлен, стремительно растворяется, превращается в призрак. Тем интенсивнее становятся усилия части местных активистов по «пополнению» группы «других», чтобы сохранить хоть какую-то возможность указать на объект дискурса. Причем в разных группах причины и усилия по поддержанию дискурса различаются.

Достаточно серьезно он представлен на властном уровне. Здесь он выполняет функцию «другого» («чужого»), в противопоставлении которому складывается сообщество, формируется гражданская нация. Нацестроительство в России – один из самых долгосрочных проектов, берущих свое начало в 1990-е гг.: с момента рождения новой России в свет вышло значительное количество научных трудов, посвященных национальной идее [Урсул 2013]. И если на рубеже веков концепт «национальная идея» был вытеснен на периферию общественной мысли идеей глобального мира и единого человечества, то уже к исходу первого десятилетия текущего века он возрождается заново. Причем из сферы теоретических рассуждений он активно перетекает в область практических действий по выстраиванию политической нации [Абдулкадыров 2021]. На сегодняшний день внешний контур политической нации практически выстроен. Конечно, в нем еще вполне возможны трансформации, но основные внешние недоброжелатели обозначены [Воробьев 2023]. В то же время с внутренними «другими» все весьма неоднозначно: огромные климатические, экономические и культурные различия между регионами России привели к тому, что «внутренний другой», по отношению к которому могли бы идентифицироваться жители Бурятии и Калуги, Москвы и Чукотки, выстраивался трудно. Мигранты («чужие» и «опасные») подходят для этих целей почти оптимально: они – «другие» для всех, соответственно, позволяют разным россиянам идентифицироваться через противопоставление этим «другим».

Вполне понятна специфика дискурса о мигрантах в хозяйственной среде, где наблюдается дефицит рабочей силы. Если мигранты из Средней Азии оказались плохими (что оспаривалось не особенно долго) или не приехали, то хозяйствую-

щие субъекты вполне согласны на любых других работников – из Индии, Северной Кореи, Филиппин. Да и на бытовом уровне ситуация вполне понятна. Мигранты в этом случае становятся не только способом канализации недовольства и формой демонстрации лояльности со стороны населения, но и способом самоопределения: мы – не они [Бляхер 2004b].

На сегодняшний день в дальневосточном регионе численность «плохих» мигрантов быстро снижается, а расширение круга лиц, входящих в эту группу с точки зрения представителей местного сообщества, становится все более искусственным [Варшавер, Иванова, Егорова 2024]. Мигранты, которые соответствовали бы требованиям дискурса, в регионе почти не обнаруживаются.

В этих условиях носитель дискурса вновь оказывается в крайне некомфортной ситуации: ему приходится создавать более сложные конспирологические построения, оправдывающие дискурс и легитимизирующие его хотя бы в глазах самого себя [Латкин, Чупахина 2021]. Денотат политического и социального конструкта, задаваемого дискурсом, должен быть зафиксирован в дальневосточном регионе хотя бы в том или ином виде. В такой ситуации наиболее вероятным видится перенесение сложившегося дискурса на иной объект, хотя кто это будет и будет ли вообще, сказать сложно. Также почти невозможно просчитать, как это скажется на судьбе прошлых «бенефициаров». Впрочем, опыт взаимодействия с гражданами КНР, превратившимися из «орудия экспансии» в стратегических партнеров, позволяет оценивать будущее переселенцев из постсоветских стран Средней Азии со сдержанным оптимизмом.

Список источников

- Абдулкадыров Ю.Н. (2021) Патриотизм как идейная основа формирования российской гражданской нации // Манускрипт. Т. 14. № 8. С. 1632–1636. DOI: 10.30853/mns210298
- Бакланов П.Я., Спектор И.Р., Севостьянов В.Н. (1977) Экономическое районирование восточной зоны влияния БАМ // Материалы II-й Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам БАМ. Благовещенск. С. 3–39.
- Барбенко Я.А. (2011) Возможности использования институционального подхода в исследовании управления переселением в Приамурье в период русской колонизации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4 (19). С. 81–92 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-institutsionalnogo-podhoda-v-issledovanii-upravleniya-pereseleniem-v-priamurie-v-period-russkoy/viewer>, дата обращения 10.10.2025.
- Бахтин М.М. (1986) Эстетика словесного творчества. М.: Искусство.
- Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум.
- Бляхер Л.Е. (2004a) Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. № 5. С. 28–39. DOI: 10.17976/jpps/2004.05.04
- Бляхер Л.Е. (2004b) Потребность в национализме, или национальное самосознание на Дальнем Востоке России // Полис. Политические исследования. № 3. С. 44–54. DOI: 10.17976/jpps/2004.03.05
- Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. (2025) «Клетка» привычная, непривычная и чужая, или, почему эмигранты едут за свободой // Политика. № 1. С. 21–55. DOI: 10.30570/2078-5089-2025-116-1-21-55

- Бредникова О., Паченков О. (2002) Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. Т. 3. № 2. С. 74–81 // https://www.hse.ru/data/2011/12/08/1208205032/ecsoc_t3_n2.pdf, дата обращения 10.10.2025.
- Бышок С.О. (2019) Мотив столкновения цивилизаций в дискурсе правых популистов ЕС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 21. № 4. С. 745–754. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754
- Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д. (2024) Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 26. № 2. С. 306–324. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324
- Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю. (2019) Отношение местных жителей дальневосточного приграничья к мигрантам и проблемам миграции (опыт социологического исследования) // Общество: социология, психология, педагогика. № 12 (68). С. 35–39. DOI: 10.24158/spp.2019.12.4
- Воробьев С.В. (2023) Исторические и современные аспекты формирования образа врага в современных международных отношениях // Международные отношения в условиях новых угроз безопасности. Сборник материалов первой международной конференции. М.: МГЛУ. С. 27–33.
- Гельбрас В.Г. (2004) Последствия китайской миграции для России // Внешнеэкономический бюллетень. № 8. С. 27–31.
- Гришанин С.С. (2017) Эволюция образа мигранта в общественно-политическом дискурсе Европейского Союза // Рафалюк С.Ю. и др. (ред.) Clio-Science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. М.: МПГУ. С. 26–30.
- Дубинина Н.И. (2011) О проектах социально-экономического развития советского Дальнего Востока в 1920–30-е годы // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 4 (57). С. 113–118 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20278831_38628671.pdf, дата обращения 10.10.2025.
- Дятлов В.И. (2010) «Желтая опасность» как орудие «мирового еврейского заговора»: на границе «великих ксенофобий» // Базаров Б.В. (ред.) Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сборник научных статей. Иркутск. С. 313–329.
- Зайончковская Ж.А. (1979) Миграции населения как фактор размещения производства // Иванченко А.А. (отв. ред.) Методологические проблемы социально-экономического развития регионов СССР. М.: Наука. С. 95–107.
- Зайончковская Ж.А., Тихонов В.А. (1976) Заработная плата как фактор движения рабочих кадров. Социальные проблемы миграции. М.: Советская социологическая ассоциация.
- Иванова А.П. (2014) Архитектура государственной идеи на русском Дальнем Востоке // Баландинские чтения. Т. 8. № 1. С. 319–324 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21496233_11419656.pdf, дата обращения 10.10.2025.
- История Дальнего Востока России (2009). Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток: Дальнаука. 694 с.
- Караман В.Н. (2005) Сианское восстание крестьян. 1930 г. // Россия и АТР. № 4. С. 6–11 // http://www.riatr.ru/2005/4/Russia_and_ATR_2005-4_006-011.pdf, дата обращения 10.10.2025.
- Кружалина А.А. (2014) От «китайского гостеприимства» до «желтой угрозы»: формирование внутрироссийского китайского вопроса на страницах сибирской газетной прессы второй половины XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 6. № 6 (1). С. 73–79. DOI: 10.17748/2075-9908-2014-6-6_1-73-79
- Латкин А.П., Чупахина Л.Е. (2021) Миграционная политика на Дальнем Востоке России: вызовы и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4 (59). С. 15–23. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-4/15-23
- Миронов Б.Н. (2024) Бытовой антисемитизм в СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 23. № 2. С. 216–231. DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-2-216-231

- Московичи С. (1998) Машина, творящая богов. М.: «Центр психологии и психотерапии». 560 с.
- Мотрич Е.Л. (1999) Китайская миграция: Реальность и проблемы (на примере Хабаровского края) // Россия и АТР. № 3. С. 51–56 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-migratsiya-realnost-i-problemy-na-primere-habarovskogo-kraja/viewer>, дата обращения 10.10.2025.
- Орлова И.Б. (1996) Социальные последствия российских миграционных процессов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 2. С. 105–114 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43913696_83959634.pdf, дата обращения 10.10.2025.
- Осипов Ю.Н. (2006) Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Владивосток: ВГУЭС.
- Романовская Е.С. (2009) Роль внешней миграции на Дальнем Востоке // Сервис Plus. № 3. С. 21–28 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vneshney-migratsii-na-dalнем-vostoke/viewer>, дата обращения 10.10.2025.
- Скребцова Т.Г. (2007) Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. № 3 (23). С. 115–118 // <https://politlingvistika.ru/images/3-2007/13.pdf>, дата обращения 10.10.2025.
- Топилин А.В. (2019) Самосохранение этноса: к вопросу о функциях миграции населения // Социологические исследования. № 9. С. 127–135. DOI: 10.31857/S013216250006668-7
- Трошина Н.Н. (2000) Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН. С. 64–89.
- Урсул А.Д. (2013) Национальная идея и глобальные процессы: безопасность, устойчивое развитие, ноосферогенез // Национальная безопасность. № 2. С. 1–66. DOI: 10.7256/2306-0417.2013.2.541
- Шустов А.В. (2020) Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 22. № 3. С. 415–427. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427
- Шустова С.В. (2018) Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. № 4 (2). С. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Шютц А. (2003) Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Общественное мнение.
- Glick-Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. (1995) From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*, vol. 68, no 1, pp. 48–63. DOI: 10.2307/3317464
- Hoppe G. (2018) Bezeichnungs- und Benennungstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen, Mannheim: Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache.
- Pinch T.J., Bijker W.E. (1984) The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // *Social Studies of Science*, vol. 14, no 3, pp. 399–441. DOI: 10.1177/030631284014003004
- Wirth L. (1928) *The Ghetto*, Chicago: University of Chicago Press.

Talking About Migrants in Russia's Far East: Who, How, and Why

L.E. BLIAKHER*, E.O. LEONTYEVA**

***Leonid E. Bliakher** – DSc in Philosophy, Professor, Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation; leonid743342@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Elvira O. Leontyeva** – DSc in Sociology, Professor, Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation; 000645@togudv.ru; <https://orcid.org/0009-0007-0667-5497>

Citation: Bliakher L.E., Leontyeva E.O. (2026) Talking About Migrants in Russia's Far East: Who, How, and Why. *Mir Rossii*, vol. 35, no 1, pp. 28–53 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-1-28-53

Abstract

This article examines the discursive construction of the concept of “the migrant” in the Russian Far East, focusing on its historical evolution and contemporary interpretations. The study emphasizes the region’s specific migration context, where public discourse about migrants often operates independently of actual migration statistics and functions as a tool for constructing social boundaries.

Drawing on empirical materials—including 32 biographical interviews with migrants from Central Asia and the Caucasus, 12 expert interviews with government officials and employers, and content analysis of regional media from 1996 to 2024—the authors show that the term “migrant” initially referred primarily to Chinese laborers and was later extended to migrants from Central Asia. This semantic expansion has contributed to the discursive stigmatization of migrants, regardless of their numbers in the region.

The authors argue that in the Russian Far East, the term “migrant” has come to symbolize the figure of “the Other,” serving as a marker of ethnic and social boundaries. Even in periods of declining migration flows, discourse about migrants continues to shape social relations and perceptions of threat. The analysis is situated within a social constructivist framework, which posits that discourse does not merely reflect but actively constructs social reality. Using conceptual history approaches, the study traces the changing meanings of the term “migrant,” highlighting the role of local and national media in shaping public attitudes.

The article demonstrates that discourse about migrants in the Russian Far East performs key social functions: it delineates “us” versus “them” and reinforces existing hierarchies. Despite declining migration numbers, the discursive figure of the migrant remains a powerful symbol in regional identity politics, illustrating the complex interplay between discourse, social reality, and political processes in the Russian Far East.

Keywords: *international migration, migrant, ethnicity, internal threat, the Other, migrant discourse, Russian Far East*

This study was supported by the Russian Science Foundation, № 24-18-20038 (<http://rscf.ru/project/24-18-20038>) with the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Region, agreement 116C/2024.

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in June 2025.

References

- Abdulkadyrov Yu.N. (2021) Patriotism as the Ideological Foundation for Forming the Russian Civic Nation. *Manuscript*, vol. 14, no 8, pp. 1632–1636 (in Russian). DOI: 10.30853/mns210298
- Bakhtin M.M. (1986) *Aesthetics of Verbal Creativity*, Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Baklanov P.Ya., Spector I.R., Sevostyanov V.N. (1977) Economic Zoning of the Eastern Zone of Influence of the BAM. *Proceedings of the II-th All-Union Scientific and Practical Conference on the problems of the BAM*, Blagoveshchensk, pp. 3–39 (in Russian).
- Barbenko Ya.A. (2011) The Possibilities of Using an Institutional Approach in the Study of Resettlement Management in the Amur Region during the Period of Russian Colonization. *Oikumena. Regional Studies*, no 4 (19), pp. 81–92. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-ispolzovaniya-institutsionalnogo-podhoda-v-issledovanii-upravleniya-pereseleniem-v-priamurie-v-period-russkoy/viewer>, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality*, Moscow: Medium (in Russian).
- Blyakher L.E. (2004a) Political Myths of the Russian Far East. *Polis. Political Studies*, no 5, pp. 28–39 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2004.05.04
- Blyakher L.E. (2004b) The Need for Nationalism, or National Identity in the Russian Far East. *Polis. Political Studies*, no 3, pp. 44–54 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2004.03.05
- Blyakher L.E., Kovalevskii A.V. (2025) Habitual, Unusual, and Alien “Cells”, or Why Emigrants Seek Freedom. *Politeia*, no 1, pp. 21–55 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2025-116-1-21-55
- Brednikova O., Pachenkov O. (2002) Ethnicity of the “Ethnic Economy” and Social Networks of Migrants. *Economic Sociology*, vol. 3, no 2, pp. 74–81. Available at: https://www.hse.ru/data/2011/12/08/1208205032/ecsoc_t3_n2.pdf, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Byshok S.O. (2019) The Motif of the Clash of Civilizations in the Discourse of Right-Wing Populists of the EU. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, vol. 21, no 4, pp. 745–754 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754
- Dubinina N.I. (2011) On Projects of Socio-Economic Development of the Soviet Far East in the 1920–30. *Customs Policy of Russia in the Far East*, no 4 (57), pp. 113–118. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20278831_38628671.pdf, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Dyatlov V.I. (2010) “Yellow Peril” as a Tool of the “World Jewish Conspiracy”. *Asian Russia: Migrations, Regions, and Regionalism in Historical Dynamics* (ed. Bazarov B.V.), Irkutsk, pp. 313–329 (in Russian).
- Gelbras V.G. (2004) Consequences of Chinese Migration for Russia. *External Economic Bulletin*, no 8, pp. 27–31 (in Russian).
- Glick-Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. (1995) From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*, vol. 68, no 1, pp. 48–63. DOI: 10.2307/3317464
- Grishanin S.S. (2017) Evolution of the Image of the Migrant in the Socio-political Discourse of the European Union. *Clio-Science: Problems of History and Interdisciplinary Synthesis* (eds. Rafalyuk S.Yu. et al.), Moscow: MPGU, pp. 26–31 (in Russian).
- Hoppe G. (2018) *Bezeichnungs- und Benennungstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen*, Mannheim: Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache.

- Ivanova A.P. (2014) Architecture of the State Idea in the Russian Far East. *Balandinsky Readings*, vol. 8, no 1, pp. 319–324. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21496233_11419656.pdf, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Karaman V.N. (2005) The Xi'an Peasant Uprising, 1930. *Russia and the Asia-Pacific Region*, no 4, pp. 6–11. Available at: http://www.riatr.ru/2005/4/Russia_and_ATR_2005-4_006-011.pdf, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Kruzhalina A.A. (2014) From “Chinese Hospitality” to “Yellow Peril”: The Formation of the Domestic Chinese Issue on the Pages of the Siberian Press in the Second Half of the 19th Century. *Historical and Social-Educational Thought*, vol. 6, no 6 (1), pp. 73–79 (in Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2014-6-6_1-73-79
- Latkin A.P., Chupakhina L.E. (2021) Migration Policy in the Russian Far East: Challenges and Prospects. *Oikumena. Regional Studies*, no 4 (59), pp. 15–23 (in Russian). DOI: 10.24866/1998-6785/2021-4/15-23
- Mironov B.N. (2024) Everyday Antisemitism in the USSR. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, vol. 23, no 2, pp. 216–231 (in Russian). DOI: 10.22363/2312-8674-2024-23-2-216-231
- Moskovich S. (1998) *The Machine That Creates Gods*, Moscow: “Center for Psychology and Psychotherapy”, 560 p.
- Motrich E.L. (1999) Chinese Migration: Realities and Problems (On the Example of the Khabarovsk Territory). *Russia and the Asia-Pacific Region*, no 3, pp. 51–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-migratsiya-realnost-i-problemy-na-primere-habarovskogo-kraya/viewer>, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Orlova I.B. (1996) Social Consequences of Russian Migration Processes. *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*, no 2, pp. 105–114. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43913696_83959634.pdf, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Osipov Yu.N. (2006) *Peasant Old-Timers of the Russian Far East 1855–1917*, Vladivostok: VGUES (in Russian).
- Pinch T.J., Bijker W.E. (1984) The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other. *Social Studies of Science*, vol. 14, no 3, pp. 399–441. DOI: 10.1177/030631284014003004
- Romanovskaya E.S. (2009) The Role of External Migration in the Russian Far East. *Service Plus*, no 3, pp. 21–28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vneshney-migratsii-na-dalnem-vostoke/viewer>, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- Schutz A. (2003) *The Meaningful Structure of Everyday Life*, Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (in Russian).
- Shustov A.V. (2020) Circular Migrations between Russia and CIS Countries in Times of Crisis: Scale and Consequences. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, no 3, pp. 415–427 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-415-427
- Shustova S.V. (2018) Migration Linguistics and Migration Discourse. *Theoretical and Applied Linguistics*, no 4 (2), pp. 114–125 (in Russian). DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Skrebtsova T.G. (2007) The Image of the Migrant in Modern Russian Mass Media. *Political Linguistics*, no 3 (23), pp. 115–118. Available at: <https://politlinguistika.ru/images/3-2007/13.pdf>, accessed 10.10.2025 (in Russian).
- The History of the Russian Far East* (2009), Vladivostok: Dalnauka (in Russian).
- Topilin A.V. (2019) Ethnic Self-preservation: On the Functions of Population Migration. *Sociological Studies*, no 9, pp. 127–135 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250006668-7
- Troshina N.N. (2000) The Topic of National-cultural Identity in the Discourse of Mass Media. *Ethnocultural Specifics of Speech Activity: Collection of Reviews*, Moscow: INION RAN, pp. 64–89 (in Russian).

- Ursul A.D. (2013) National Idea and Global Processes: Security, Sustainable Development, Noospherogenesis. *National Security*, no 2, pp. 1–66 (in Russian). DOI: 10.7256/2306-0417.2013.2.541
- Varshaver E.A., Ivanova N.S., Egorova T.D. (2024) Imaging the Russian Nation: Who, according to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become Its Member? *RUDN Journal of Political Science*, vol. 26, no 2, pp. 306–324 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324
- Vinokurova A.V., Ardal'yanova A.Yu. (2019) Attitude of Local Residents of the Far Eastern Borderland to Migrants and Migration Problems (Experience of Sociological Research). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, no 12 (68), pp. 35–39 (in Russian). DOI: 10.24158/spp.2019.12.4
- Vorobyov S.V. (2023) Historical and Modern Aspects of Enemy Image Formation in Modern International Relations. *International Relations in the Context of New Security Threats*. Collection of Materials of the First International Conference, Moscow: MGLU, pp. 27–33 (in Russian).
- Wirth L. (1928) *The Ghetto*, Chicago: University of Chicago Press.
- Zaionchkovskaya Zh.A. (1979) *Migration of Population as a Factor in the Distribution of Production*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Zaionchkovskaya Zh.A., Tikhonov V.A. (1976) *Wages as a Factor in the Movement of Labor: Social Problems of Migration*, Moscow: Nauka (in Russian).